

ПРОДОЛЖАЕМ ТЕМУ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА

От редакции. В предшествующем номере нашего журнала была опубликована статья Жака Сапира, директора Центра исследования моделей экономического развития Высшей школы исследований по социальным наукам (Париж, Франция), с материалами которой он выступил на постоянно действующем российско-французском семинаре по денежно-финансовым проблемам российской экономики, состоявшемся в Вологде в апреле 2010 года. Очередное заседание семинара состоялось в июне 2010 г. в Париже. Французскую группу участников семинара, как и прежде, возглавлял Ж. Сапир. Российская группа работала под руководством академика В.В. Ивантера, директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Ниже публикуются, с согласия В.В. Ивантера, с небольшими сокращениями стенограммы его выступлений на открытии семинара и на заключительном заседании.

УДК 338.124.4(470)

© Ивантер В.В.

О проблемах выхода России из экономического кризиса

**Виктор Викторович
ИВАНТЕР**

академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Выступление на открытии семинара 28 июня 2010 г.

Я попросил Жака, чтобы на первых заседаниях нашего семинара мы обсудили проблемы евро. Я скажу вещь, которая не является секретом. Перед нашим отъездом во Францию состоялся круглый стол в Совете безопасности России под председательством его руководителя г-на Патрушева. Обсуждались ровно те вопросы, которые мы собираемся обсудить и здесь, — проблема евро и её влияние на экономику России. В тот год, когда наличный евро стал реальностью, мы тоже специально обсуждали этот сюжет на нашем семинаре и пытались понять, как он может повлиять на экономическую ситуацию в России.

Сейчас уже можно утверждать, что экономическая интеграция Европы и России состоялась. Нельзя сказать, что все довольны этой интеграцией, но нам уже трудно вернуться обратно — обратного хода нет. Поэтому то, к чему я хочу перейти, — оценка экономической ситуации в России — представляет интерес и для наших европейских партнёров. Так как мы понимаем, что наши взаимоотношения существенно связаны с экономической ситуацией и в Европе, и в России.

По сравнению с последним заседанием довольно ярко проявились новые тенденции. Вот у меня последняя сводка Росстата

за январь — май 2010 г. Как вы знаете, Росстат поменял не только руководителя, но и методику, по которой он считает. Ещё полгода назад было совершенно непонятно, какие именно числа выдаст Росстат в итоге. Сейчас всё «устаканивается», новая методика счёта более — менее отлажена, и ситуация складывается примерно следующим образом.

Промышленность за январь — май выросла к соответствующему периоду прошлого года больше чем на 10%. Здесь особо дуть в фанфары нет оснований, т.к. год назад было падение на 15%. Интересно то, что сегодняшний рост определяется не добывающими отраслями, которые выросли примерно на 6%, и не электроэнергией, газом и водой, где динамика производства зависит скорее от погоды, чем от экономики. Ключевую роль сыграл рост обрабатывающих производств. Май к маю дал прирост обрабатывающей промышленности почти на 19%. А за январь — май прирост в обработке составил больше 14%.

Обычно претензии к статистикам заключаются в том, что они всё неправильно считают и всё время врут. Думаю, что если бы статистики каждый раз ввали по-разному — в январе по одному, в мае по-другому — то это действительно было бы ужасно. Но на самом деле они каждый раз ошибаются примерно одинаково. И они не злонамеренны. Поэтому реальные тренды ими не искажаются. А это главное.

Что касается альтернативных измерителей, то я, кажется, нашёл некий индикатор, который показывает, что реально происходит в обрабатывающей промышленности. Это динамика производства подшипников. В машиностроении всё должно крутиться, и потому везде есть подшипники. Кроме того, подшипники — это продукт, который, как правило, находится в запасах предприятий, потому что он может потребоваться в любой момент. Поэтому по динамике его производства видно, что происходит в машиностроении.

Если наметился спад, то резко падают закупки новых подшипников, а предприятия в основном расходуют свои запасы. Но когда начинается экономический рост, закупки подшипников резко возрастают, т.к. необходимо пополнить запасы с целью полноценного обеспечения производства. Вот пример. В начале кризиса машиностроение падало на 25 — 30%, а производство подшипников — более чем в 2 раза. А сейчас назову другие числа: по сравнению с маем 2009 года производство шариковых и роликовых подшипников выросло на 60%, а январь — май 2009 г. дал прирост на 82%. Это обстоятельство подтверждает тот факт, что машиностроение имеет заказы. Наиболее ярко, конечно, выглядит рывок в автопроме — приросты порядка 50, 60 и 80%.

Таким образом, машиностроение обеспечило довольно приличную долю прироста в обрабатывающей промышленности.

Теперь о нестандартной ситуации в газовой промышленности. Сейчас в России имеет место резкий рост объёмов добычи газа. Сказывается то, что спрос на газ зависит от погоды. Была тёплая зима в Европе. Кроме того, «развлечение», которое мы устроили с Украиной, привело к тому, что Европа использовала больше газа из своих хранилищ. А теперь потраченные запасы восполняются.

Я ещё раз хочу сказать: моя версия заключается в том, и она подтверждается статистикой, что спрос на энергию слабо эластичен по отношению как к экономическому росту, так и к экономическому спаду. Я не утверждаю, что спрос вообще не эластичен, но он слабо эластичен. Однако на спрос очень сильно влияют: а) погода, б) разные внеэкономические факторы. Но сколько-нибудь серьёзные перемены в части спроса на газ в ближайшие годы могут произойти только при одном условии — если Европа вернётся к угольной генерации. Теоретически можно представить себе такой сдвиг, но практически это всё малореально. В то же время, как мы

с вами видим, масштабное увеличение объёмов добычи газа в России тоже нереально. Мы наблюдаем совместные действия России и Франции по Штокману, наши президенты очень активны в этом смысле. Но дело в том, что это очень капиталоемкие проекты, и мы понимаем, что должны быть созданы очень надёжные системы транспорта и очень серьёзные рынки сбыта под супердолгосрочные контракты по понятным ценам. А иначе крупных инвестиций в Арктику никто делать не будет. Благостная картина, которую я нарисовал, серьёзно подпорчена низкой инвестиционной активностью в российской экономике. Прирост инвестиций составляет где-то 5%. Но надо учесть, что в этой сфере был фундаментальный спад — гораздо больший, чем спад в целом по экономике. Скажем, в первые за длительный период в России сократился ввод жилья. Это связано с тем, что в момент кризиса, за счёт задельных инвестиций, ввод был ещё высоким, а сейчас произошло неминуемое падение.

Что можно сказать об особенностях кризиса? С одной стороны, снижение российского ВВП оказалось почти самым значительным в Европе, более глубокий спад был только на Украине и в Латвии. С другой стороны, наше население практически ничего не потеряло, а в кризисный год доходы граждан выросли в среднем почти на 3%. Это был рост именно реальных доходов, а не номинальной зарплаты. Это произошло благодаря очень серьёзным вливаниям в социальную сферу.

Предрекали масштабную безработицу... Нельзя сказать, что все проблемы были решены. Но серьёзных провалов в этой сфере, которые ожидались, не произошло. Конечно, у нас есть проблема так называемых моногородов. Это довольно распространённое в России явление. Такие города строились вокруг предприятия или группы предприятий. Обычно это было связано с военными потребностями или соображениями, но не всегда. Классический моногород — Тольятти был построен вокруг автозавода.

Проблема Тольятти довольно сложная и в какой-то мере экзотическая для экономистов. Потому что этот завод одним из первых стал частным предприятием, имел монопольное положение на российском рынке, выпуская до 700 тыс. автомобилей в год и более — менее успешно продавая их. Понять, куда делись деньги от этих огромных продаж, — отдельная проблема, причём скорее юридического характера.

Тем не менее, когда завод попал в тяжёлое финансовое положение, останавливать там производство нельзя было ни с какой точки зрения. Потому что это привело бы к супермасштабному социальному взрыву. Путём вливания значительных государственных средств потенциальный социальный конфликт оказался в основном погашен. Я неплохо представляю себе положение на другом крупном российском автозаводе — ГАЗе. Я там член наблюдательного совета. Надо сказать, что этот завод в кризисной ситуации сработал неплохо. С помощью муниципалитета ему удалось сократить количество работников на 30 — 40 тыс. человек. Но при этом сохранили само предприятие, которое занимает значительную долю рынка коммерческих автомобилей в России. Они конкурентоспособны на этом рынке по соотношению цена-качество. Завод выжил и в настоящее время набирает объёмы производства.

Меры, которые предпринимались российской властью в автопроме, были похожи на европейские. Старые автомобили менялись на новые с использованием дотаций. Стимулирование спроса осуществлялось не только федеральной властью, но и региональной. Система сдачи старых автомобилей с бонусом для покупки нового была распространена на коммерческий транспорт. Государственные закупки — гражданские и военные — тоже оказывают своё влияние. В итоге выяснилось, что вся система мер, принятых в России, ничем не отличалась от европейских мер. При этом даже бюрократические безобразия были

похожи на те, что имели место в Европе. А более высокие темпы прироста на российском авторынке были обусловлены всего лишь более глубоким падением спроса в предшествующий период времени.

Самая важная проблема для России теперь формулируется так: восстанавливаем инвестиционную активность или нет? В этом году, вероятнее всего, мы будем иметь прирост ВВП порядка 7%. А прирост инвестиций, который перед кризисом доходил до 20% в год, в этом году будет до 5%.

Даже если будет и чуть больше 5%, то это всё равно несопоставимо с тем, что было. И хотя в 2010 году Россия статистически будет выглядеть очень неплохо, возникает проблема 2011 – 2013 годов. Она очень активно обсуждается. В этой дискуссии, которая проходит не только в академических кругах, но и во власти, есть, пожалуй, две позиции. Первая позиция, которая наиболее ярко представлена Минфином и аналитиками, связанными с Минфином, такова: «Страна выжила в кризис, потому что у неё была колоссальная подушка безопасности в 600 млрд. долл. валютных резервов». Из этих 600 млрд. 200 млрд. мы, грубо говоря, потратили. Но 400 с лишним миллиардов долларов реальных валютных резервов сохранилось. В то же время у нас будет дефицит бюджета порядка 5%. А дальше речь идёт о том, чтобы добиться снижения дефицита бюджета до 3%. Когда я говорю, что по итогам года будет 5%, а далее стремятся к 3%, это выглядит не очень впечатляюще. Однако стремление к 3% придумали тогда, когда Минфин предрекал дефицит по итогам 2010 г. от 8 до 10%. То есть предлагался очень масштабный сдвиг. В принципе, я не вижу ничего дурного в снижении уровня бюджетного дефицита до 3%. Весь вопрос в том, за счёт чего снижать дефицит.

Минфин говорит: мы снижаем расходы. Что ж, если есть бессмысленные расходы — прекрасно, избавьтесь от них. Однако дальше в Минфине говорят: нет, мы имеем в виду, что у нас социальные расходы очень

высокие. Я в этом случае говорю: если снижение уровня социальных расходов не приводит к снижению трудовой активности — снижайте ради бога. Но если вы снижаете социальные расходы, а в результате люди не работают и бегают с флагами по улицам, то это совсем другое дело. Когда люди бегают с флагами — они же не работают. Это же прямой удар по экономике! Поэтому надо считать. Считать последствия. Либо вы снижаете расходы так, чтобы никто не бегал с флагами, либо осуществляете другие меры.

Я верю, что существуют избыточные социальные расходы, но надо их выявлять очень точно и снижать таким образом, чтобы не потерять доходы. Ведь в экономике все взаимосвязано: вы не получите доходов, пока не осуществите некоторые расходы. В целом идея снижать социальные расходы в России сейчас непопулярна, и вряд ли кто-нибудь всерьёз начнёт продавливать такие действия. В этих обстоятельствах структуры, близкие к Минфину, хотят снижать главным образом капитальные расходы и расходы отраслей на развитие экономики.

В этой связи замечу следующее. Мы все много занимались тем, чтобы доказать власти, что существует мультипликатор роста, основанный на инвестициях. Этому мы их обучили — сейчас в правительстве все сразу понимают слово «мультипликатор». Теперь я пытаюсь их убедить, что мультипликатор работает в обе стороны. Если вы снижаете инвестиции, то по принципу мультипликатора положение ухудшается и в других отраслях, где снижаются доходы и, соответственно, налогооблагаемая база. Речь идёт о том, чтобы оценивать последствия снижения инвестиций, в том числе и для доходной части бюджета. Сейчас идёт очень серьёзная борьба за бюджет 2011 года. То есть будет ли он ориентирован на инвестиции или победит фискальный взгляд на экономику. Сейчас для нас это принципиальная развилка в экономической политике.

Ещё одна проблема, которая вышла даже на международный уровень, это проблема модернизации России. Вы знаете, что президент Медведев отстаивает эту идею. Но есть некоторые вещи, которые в экономике нельзя перепрыгнуть. Инноваций без инвестиций не бывает, а инвестиций на траектории экономического спада тоже не бывает. Поэтому версия, что мы будем развиваться не быстро, но очень качественно, которую проповедуют некоторые эксперты, вряд ли является правильной. Те, кто катается на горных лыжах, знают, что поворот нельзя произвести в положении стоя, надо двигаться. Чем больше скорость, тем легче повернуть. Иными словами, нам нужны высокие темпы экономического роста.

Ещё одно. Совершенно понятно, что в экономике с частной собственностью никто не делает инвестиций, когда нет спроса. Поэтому мне кажется, что мы отчасти увлеклись проблемой инвестиций вне зависимости от спроса, от реальной экономики. У нас принято решение построить потрясающий инновационный центр под Москвой в Сколково. Не просто инновационный центр, а с коммерциализацией исследований. Вообще говоря, у России есть опыт строительства совершенно экзотических вещей. Например, посреди сибирской тайги взяли и построили научный центр мирового уровня — Академгородок. Это очень интересная история про то, как его делали. Там жизнь была непохожа на весь остальной СССР, это был конец 60-х годов и поведение публики внешне больше было похоже на поведение студентов в Париже. Профессора ходили бородатые и в шортах, а девочки бегали по городу в купальниках (летом, конечно). До сих пор это выдающийся научный центр, и престижные премии, которые сейчас выдаются, выдаются именно тем самым учёным.

Но при создании Академгородка никаких коммерческих целей не было. А в Сколково речь идёт о том, что их научные раз-

работки будет кто-то покупать. А кто и зачем — непонятно. Я думаю, что очень хорошо, когда мы заимствуем то ценное, что есть в Европе. Однако самое худшее — это обезьянничать. Не могу найти человека, который написал президенту идею, что у нас главный приоритет — это энергосбережение. Я считаю, что экономить надо то, что в дефиците. У нас в России, что, ожидается дефицит энергии? По нашим оценкам, в России есть дефицит труда и трудосберегающие технологии являются более важным приоритетом, чем энергосберегающие.

В Европе я делаю инвестицию и экономлю 1 баррель нефти. Перед отъездом из Москвы баррель стоил 78 долларов. Сэкономил его и получил свои 78 долларов. А в России сколько я выиграл? Допустим, 40 — по цене внутреннего рынка. Если это так, то в России инвестиции в энергосбережение вдвое менее эффективны, чем в Европе. При этом я не утверждаю, что не нужно экономить энергию. Надо. Есть примеры этой экономии. В Москве дома проходят реконструкцию, там стены утепляются, балконы, окна и т.д. Вообще, самый большой эффект в энергии даёт соблюдение правила: уходя из комнаты, выключать свет. По версии моей жены, я никогда этого не делаю. Но когда это выбор национального приоритета, он должен быть экономически обоснован.

Если вернуться к создаваемому в Сколково центру, то я думаю, что в действительности серьёзного вреда этот центр нанести не может. Потому что его придумали люди, которые ездят по городу в сопровождении ГАИ. Центр Сколково находится около МКАДа. Если днём, чтобы выехать на МКАД, надо минут 40, а чтобы по МКАДу доехать до радиального поворота, нужен ещё час, а в худшем случае и 4–5 часов. Ну и как тут работать? Это пример того, что есть инновационная деятельность в стране и есть инновационный пиар.

В то же время у нас есть достаточно интересные прорывы в металлургии,

в нефтехимии, в авиации. Это всё заглушается информационным инновационным пиаром. Весь вопрос в том, что победит — реальность или мистификация, которая, к сожалению, сохранилась у нас от предыдущей системы жизни.

Теперь о фискальном взгляде на экономику. Классический вариант неудачной фискальной политики мы могли наблюдать в ситуации с ассигнованиями на исследование Российской академии наук. Всем сокращали расходы, в том числе Академии, процентов на 8. При этом было запрещено снижать расходы на оплату труда. Это святое. Было запрещено не платить за ЖКХ. И так: учёные зарплаты получают, здания отапливаются и освещаются. Приборы работают. Установки работают. А на чём сэкономили? На расходных материалах. Значит, в результате всё светит, крутится и греет, но ничего толком не работает, т.к. нет расходных материалов на экспериментальную деятельность. Но ведь учёные — это не пенсионеры, зачем платить им деньги, если они не могут работать? Конечно, абсолютного коллапса научной деятельности не было, в действительности в институтах шло перераспределение расходов... Но с принципиальной, системной точки зрения так делать нельзя, потому что это парализует исследовательскую деятельность. Тем более что эти 200-300 млн. долл., которые были сэкономлены, для власти никакой существенной роли не играли. Подход был такой: всё сокращаем и здесь тоже. Чтобы всем было одинаково плохо. Этот фискальный подход в условиях кризиса очень опасен.

Выступление на заключительном заседании семинара 30 июня 2010 г.

Политические проблемы у нас были двух типов. Один тип — это смена авторитарного режима на режим политической свободы. Этот процесс был в какой-то мере управляемым. А второй тип проблем — абсолютно неуправляемый процесс распада России. Можно сто раз назы-

Но в целом, я считаю, определённые основания для оптимистического взгляда на развитие российской экономики в ближайшие 3 — 5 лет есть. При одном условии. Хорошо это или плохо, но Россия реально интегрирована в мировую экономику, причём её экономическая интеграция наиболее сильна с Европой. Почему не с США? Из-за дурных отношений? Нет, просто отсутствуют общие интересы, кроме военных вопросов. Единственное, чем мы связаны со Штатами, это количество ракет, которые можно пустить друг в друга. Экономических отношений практически нет. А от Европы мы зависим. Поэтому существенные экономические катаклизмы в Европе могут сильно повлиять на состояние нашей экономики. Поэтому для нас очень важен европейский взгляд на то, что ожидается в экономике Европы. Когда Медведев и Путин говорят, что они верят в евро, это не просто риторика, это принципиальная экономическая позиция. Если в это не верить, нужна другая экономическая политика. В этом смысле мы существенно зависим от развития экономики Европы. Проблема вовсе не в том, сколько Европа купит газа и по какой цене... Это второстепенная проблема. Газ — это не экспортно-ориентированная отрасль, мы экспортируем только 30% газа. Вот нефть — да, там больше половины продаём. Ещё важнее для нас машиностроительный импорт, где наш основной партнёр — Европа. Оценка перспектив развития здесь принципиальна. Таким образом, ускорение экономического роста Европы существенно может повлиять на экономический рост в России.

вать это СССР, но это была именно Россия, сначала царская, потом советская. Она была, конечно, империей. Но империей без метрополии.

Эти политические процессы происходили одновременно и переплетались друг с другом. Некоторые куски, ставшие новыми

странами, частично избавились от авторитарных режимов, стали другими. Но, скажем, те режимы, которые сложились в Туркмении или Узбекистане, с большой натяжкой можно назвать демократическими. Что касается демократии как таковой, то я не историк и потому не претендую на истину. Однако если взять за точку отсчёта взятие Бастилии, то до того момента, когда западная демократия приняла сегодняшний вид, всё-таки прошло некоторое время. И, может быть, всё равно результат не совсем тот, что был задуман отцами французской революции. И когда говорят, что у нас в России усечённая демократия, то стоит учесть, что это говорят люди без опыта жизни в тоталитарном обществе. Они наблюдали это всё со стороны. А у меня есть довольно приличный опыт жизни в тоталитарной системе. И потому я знаю, что говорящие о том, что современная политическая система России похожа на советскую, либо абсолютно невежественны и неграмотны, либо преследуют злонамеренные политические цели.

Что такое демократия как политическая система, я, честно говоря, не очень понимаю. Это когда всеобщие выборы, все имеют одинаковые права и равный голос? Я не знаю. Но вот что такое свобода, я понимаю. Сейчас я как директор института ни у кого не спрашиваю, кого можно брать на работу (в пределах законодательства, конечно). Никто не рассказывает мне, что нужно печатать в журнале, а что нет. Никто не вмешивается в тематику исследований, которая принимается Учёным советом Института. Никого не спрашиваем, кого следует отправлять на обучение за границу, а кого нет. Мы ни с кем не согласовываем состав людей, которых приглашаем к себе на семинары. Текст статей не надо утверждать в «Мосгорлите». Я полагаю, что это и есть свобода. И это не пропаганда, а мой личный опыт.

Но есть и другие предложения по развитию демократии и свободы в нашей стране.

Один из моих коллег, профессор Гонтмахер, считает, что в России необходимо вместо участковых милиционеров, которые у нас назначаются, выбирать шерифов. И эти выборные шерифы будут наблюдать за порядком и честно его охранять. Я это не придумал, это предложение было опубликовано...

Я объяснил, к чему это приведёт. В Москве есть криминальные группировки — всякие «солнцевские», «ореховские» и т.д. И когда будут выбирать шерифов, возникнет очень серьёзная конкуренция между этими группировками — кто из них больше выберет своих шерифов.

Что касается внедрения демократии, то думаю, что это очень индивидуальная проблема для каждого этноса, для каждой страны. Например, СССР вёл войну в Афганистане совершенно не с целью завоевать страну. Мы хотели ввести у них социализм с тем, чтобы они хорошо жили. Сами положили 15 тыс. жизней и афганцев тоже немало погубили.

Денег очень много потратили, но социализма внедрить так и не сумели.

А сейчас другая организация, НАТО, там демократию вводит. Результат будет тот же самый со 100%-ной вероятностью. Не потому, что демократия как политическая система плоха, а потому что выбрать себе политическую систему должны сами афганцы, а не русские и не американцы.

Кстати, с этой точки зрения в России с демократией все в порядке. То, что происходит в стране, устраивает большинство людей. Другое дело, что всё должно совершенствоваться, и политическая система тоже. Но надо, чтобы перемен хотел не только я, но и все остальные.

Теперь о том, что произошло у нас в 90-х годах.

Первое. Был ли наглядный, заметный результат реформ, который устраивал всех? Да, такой результат был. Это появление потребительского выбора. И это тот результат, от которого никто в России не хочет отказываться — ни левые, ни правые.

Все «за». Те, кто знали, чем были наши магазины в 1980 году по сравнению с сегодняшними, обратно не хочет.

Другое дело, что потребительский выбор был получен не за счёт внутреннего производства, как тогда нами предполагалось, а за счёт импорта. Поэтому мы сидим, как говорят некоторые, на сырьевой игле. Потому что, отказавшись от этой иглы, мы ликвидируем потребительский выбор. А необходимость потребительского выбора — это общественный консенсус в России, и правительство, которое уйдёт от этого, наверняка потеряет власть. Именно потому потеряет, что было избрано, а не захватило пост с помощью силы.

Второе. О том, как в 90-х годах проводились реформы. Западные советники здесь абсолютно ни при чём. Они, конечно, были. Амбициозные и безграмотные. Безграмотные в каком смысле? Они собирались ремонтировать и модернизировать машину, про которую ничего толком не знали. Не знали, как она работает, как она ускоряется и замедляется... Причём самые приличные и порядочные люди в этом участвовали. Сейчас Стиглиц говорит, что он считает ошибочной поддержку Мировым Банком ускоренной приватизации. Тогда они считали, что окно возможностей может закрыться и потому надо всё сделать быстро. Очень странная, конечно, история... Это же была собственность не Стиглица, а наша. А он брал на себя ответственность и решал, что с ней делать. Но он это делал не из злонамеренности — он собирался меня осчастливить эффективными собственниками.

В общем, там довольно много было советников. Но в сущности западные советники выполняли роль ширмы. Можно очень плохо относиться к г-ну Гайдару, но версия о том, что г-н Ослунд знал что-нибудь такое, чего не знал Гайдар, неправдоподобна. Просто Гайдару и компании нужны были аргументы, и они говорили: смотрите, вот и западные советники тоже нас поддерживают.

Здесь, конечно, возникает сакраментальный вопрос — кто виноват? Что я могу сказать... Была свобода. Скажем, мои коллеги и я придерживались другой позиции. И имели возможность свободно излагать эту позицию. Почему к нам не прислушивались? Есть нормальное объяснение. Было радикализовано политически активное население. Это население хотело всего и сразу. И искренне верило в то, что это возможно. А когда мы рассказывали, что реформы дело тяжёлое, что надо долго работать, действовать аккуратно и обдуманно, то нас никто слушать не хотел. Всем было интересно получить результаты сразу, и потому никто в 90 — 91 годах власть с помощью силы не захватывал, они были все избраны.

То, что было разворовано, было названо «первоначальным накоплением». Это, разумеется, не так. Накопление — это когда что-то было вновь создано. Но общество и «первоначальное накопление» по Гайдару сначала приняло. Не все, конечно, но политически активные люди это приняли и поддерживали. И выбор радикальных руководителей был связан с тем, что общество являлось радикализированным. Никакой разницы в этом смысле между Гайдаром и Явлинским не было — про реформы они говорили в сущности одно и то же.

Я согласен с г-ном Паже, что 98-й год продемонстрировал обществу наглядный результат выбранной модели реформ. И в какой-то мере общество отрезвил.

В чём преимущество следующего периода? Мы не пошли по традиционному для России пути. Традиционно как было? Нашли виновных, повесили, расстреляли... вот этого сделано не было. Может быть, впервые за всю историю России. Можно с симпатией относиться к Ельцину или без, но он ничем не был обижен.

Что касательно политических решений, первое и главное было сделано — угроза прямого распада России была снята. И в стране, мне кажется, есть консенсус вокруг этого результата.

Более интересна экономическая и финансовая политика. Наша экономическая политика, начиная с 2000 года, была исключительно дѣрганая, демонстрируя очень высокую волатильность. Нельзя сказать, что всякий раз она была эффективная и результативная. Но она дала определённый положительный результат. Этот тренд чётко виден при любых колебаниях. Начался экономический подъём, при этом было восстановлено доверие к власти. Под словом «доверие» я понимаю следующее. Это не значит, что все верят всем словам власти. Доверие существует в том смысле, что люди полагают: власть никаких серьёзных безобразий не устроит.

Кроме того, нужно понимать, что время берёт своё. Произошла смена поколений. Есть новое поколение в России, у которого нет никакой ностальгии по поводу старых времен. Я сам столкнулся вот с чем. Читаю лекцию студентам в МГУ и объясняю, в чём заключается проблема замораживания цен. Заморозить-то, говорю, можно, а размораживать очень сложно. Есть опасность возникновения дефицитов. Как вы понимаете, говорю, дефицит приводит к очередям. И тут я вижу, что они не понимают, о чём я говорю. Тогда спрашиваю: вы когда-нибудь стояли в очереди? Одна девочка говорит — если недлинная... Иными словами, это другое поколение, другая система аргументов. То, что казалось естественным студентам раньше, сейчас непонятно. Это существенно. Какая проблема, на мой взгляд, оказалась нерешённой. И самой опасной. Конечно, наши банки ещё «недобанки». И есть проблема коррупции, которая, впрочем, легко решается, если взяток не давать. На меня периодически обижаются: как это — не давать взятку? Это же невозможно...

Но есть и фундаментальная проблема, очень опасная для экономики. Её очень тяжело решать. Она заключается в абсолютно неприемлемом для свободной экономики материальном неравенстве.

При этом речь идёт не о полярности между крайней бедностью и крайним богатством. Я говорю не о проблеме пенсионеров и олигархов. Для экономики гораздо острее проблема колоссального разрыва доходов работающих — молодых, подготовленных, энергичных, желающих трудиться. Это создаёт неестественную концентрацию людей в крупных мегаполисах — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, а также миграцию специалистов из отраслей реального сектора в торговлю и финансы.

В этом смысле мы вообще очень странная страна. У нас «плоская» шкала подоходного налога — все платят 13%. В этом не было бы ничего страшного, если бы были нормальные налоги на собственность, была система косвенных налогов на предметы не первой необходимости — престижные автомобили и т. д. Но этого тоже нет. И даётся такое объяснение: слабая система налогового администрирования не даёт возможности введения дифференциации налогообложения. Если введём дифференцированную шкалу НДФЛ, высокооплачиваемые будут уходить от налогов. Дифференцированная шкала обложения имущества будет тоже обходиться за счёт переписывания особняков на бомжей. Это всё правда — как только в Москве угоняют какой-нибудь «Бентли», выясняется, что владельцем автомобиля является безработный. Да, у нас это зачастую имеет комические формы, но это не значит, что от решения проблемы надо отказываться. Ведь ослабление стимулов к Трудю — это очень серьёзно.

И с инвестициями точно так же происходит. Ограничиваем мы инвестиции ровно потому, что, дескать, «ничего нельзя дать, всё украдут». Ликвидировали в этой связи Дорожный фонд. Потому что есть информация о том, что часть его разворовывалась. Но перестать вообще финансировать строительство дороги — это же не выход из ситуации! Есть ещё одна проблема — про-

блема диверсификации. Здесь есть 2 аспекта — диверсификация экономики и диверсификация экспорта. Я считаю, что у нас нет оснований для борьбы за диверсификацию российского экспорта. Мы экспортируем высокотехнологичную продукцию, и это не только вооружение, а и углеводороды. Те, кто думает, что газ добывает Путин в Кремле, открывая и закрывая вентиль, те могут продолжать так думать. Но реально газ находится на Ямале и в других северных регионах России. Надо этот газ найти, разбурить, загнать трубу, выкачать наружу и транспортировать в Европу. Это специальные технологии. Они дорогие и сложные. Но у нас они уже работают. А добыча нефти? Американцы после аварии в Мексиканском заливе хорошо знают, что это непростая вещь.

У нас сейчас коэффициент извлечения нефти порядка 35%. А в мире он доходит до 60–65%. Представьте себе, что мы добиваемся перехода с 35 до 65%. Это можно сделать только на базе научно-технологического прорыва. А результат — ещё 200 млн. т нефти. Если мы её отправим на экспорт, то вроде бы станем ещё более дикой страной. Однако я утверждаю, что на самом деле эти 200 млн. т нефти — самая что ни на есть высокотехнологичная продукция.

А, кстати, что будет, если мы перестанем экспортировать нефть? Кто может гарантировать, что через 50 лет эту нефть кто-нибудь купит? Если бы в 2009 г. Россия экспортировала бы не нефть, а автомобили, у нас полстраны бы не работало. Конечно, спрос на нефть тоже упал — на 1,5%. Что, у нас нефтяники работы лишились? Поэтому версия о том, что Россия должна прекратить экспорт сырья, начать писать компьютерные программы и их продавать — это глупость. Масса журналистов говорит, что Россия подвержена сырьевому проклятию, что у неё слишком много ресур-

сов. Хочу, чтобы они нашли хотя бы ещё одну такую страну, которая сказала бы, что наличие сырьевых ресурсов — это ужасно.

Кроме того, что нужно учитывать? В России территория большая, ресурсов много, а народу мало. Армия должна быть своя, погранслужба своя. Учителя и врачи свои. Начальники и чиновники тоже свои. А кто работать-то будет? Обрабатывающая промышленность — она же трудоёмкая. А вот добывающая — менее трудоёмкая, хотя и капиталоемкая. Но деньги у нас сейчас есть, а вот с людьми посложнее. И какой выбор в этих условиях является рациональным?

Но всё-таки существует ли реальная зависимость России от сырьевого экспорта? Да, существует. Но с чем связана эта зависимость? С тем, что мы завалили собственное сельское хозяйство. До 40% продовольствия импортируем. В то время как можем обеспечивать себя продовольствием полностью. Я не имею в виду фрукты — у страны не тот климат. В этом смысле диверсификация экономики нам абсолютно необходима. И тогда доходы от экспорта можно будет в большей степени пускать на развитие, а не на текущие нужды.

В каком направлении ещё диверсифицироваться? Власть уже всё назвала, что должно быть, и в целом я с этим согласен. Надо восстановить гражданскую авиапромышленность, энергетическое машиностроение, включая атомное, судостроение, сельхозмашиностроение, и развить собственное производство продовольствия. Относительно остального я не вижу оснований сохранять автаркию. Вот такова моя позиция.

Заодно скажу и заключительное слово. Была очень интересная и полезная дискуссия по роли евро и влиянию проблем евро на российскую экономику. Я всех благодарю за неё.